

В любом случае завтра, когда придется сдавать домашнюю работу, учитель все равно будет ее разбирать. Увидев, что три зачина не написаны, он сам все объяснит. А если спросить заранее, учитель вспомнит, что эти темы писать не следовало, и задаст новое задание — написать и явный, и скрытый зачин для каждой. Вот это было бы поистине смертоносным испытанием. На сегодня он побудет нерадивым учеником, не сделавшим уроки.

Цуй Се написал всего девять зачинов-потти, а оставшееся время прилежно переписывал двадцать страниц в стиле тайгэ и заучивал последние пять стихотворений из раздела «На юге есть прекрасная рыба». Домой он вернулся с пустыми руками, не взяв с собой никакого домашнего задания.

Но раз уж он начал учиться писать багувэнь, пора заучивать и те сборники современных сочинений, что ранее подарил советник Лю, а также то «Собрание сочинений шести господ», которое специально преподнес начальник уезда Ци... Учить нужно было слишком много, дел невпроворот, и времени катастрофически не хватало.

Он вздохнул, глядя на стену, уставленную книгами, потянулся и вытащил сборник образцовых работ, занявших первые места на уездных экзаменах. Экзаменационные темы для туншэнов представляли собой узкие, фрагментарные задачи, зачины в них требовались изысканные и утонченные, что не совсем совпадало с его нынешней стратегией раскрывать глубокий смысл канонов на широких темах. Однако уездный экзамен состоял как раз из малых тем, и рано или поздно ему пришлось бы освоить подобный ход мыслей. Поэтому он, набравшись терпения, открыл книгу, просматривая лишь сами темы и пару строк зачина, сохраняя их в памяти вроде ментального PDF-файла, чтобы обдумывать в любой момент.

Эти образцовые работы предназначались лишь для ознакомления, а вот избранные произведения, которые создали восемь мастеров эпох Тан и Сун, требовалось заучить наизусть. Как попаданец, он не умел сочинять древнюю прозу, поэтому оставалось только зазубривать — как говорится: «Выучишь триста стихотворений эпохи Тан — и пусть не поэт, но задекламируешь!» Если много запомнить, то и сам сможешь состряпать нечто удобоваримое, а если наложить на это стандартную структуру восьмичленного сочинения — пусть и без гарантий шедевра, — то получится вполне добротное, правильное сочинение.

Цуй Се все-таки больше десяти лет пробыл отличником, так что питал некоторый оптимизм в отношении учебы. Он тут же составил новое, еще более плотное расписание, вообразив, будто поступает в магистратуру по направлению «литература багувэнь».

Причем заочно, без отрыва от работы.

Просмотрев несколько сборников современных сочинений, он зажег свечи и вместе с Пэн Янем снова уселся за стол в спальне. Одной рукой он направлял кисть, выводя изящные и каллиграфически четкие линии, а в мыслях продолжал смаковать логику построения зачинов.

На следующий день в школе он без лишних слов передал девять готовых зачинов господину Линю. Учитель, проверив работу, действительно ничего не сказал по поводу отсутствия трех зачинов. Вытащив кисть с киноварью, он поставил на его зачинах несколько кружков и, поглаживая жидкую бородку, произнес:

— Ты только начинаешь постигать искусство зачина, так что я не стану требовать слишком многого. Если смог написать строго по форме — уже хорошо.

Он указал на три зачина к первой теме:

— Вчера этому тексту я уделил больше всего времени, и у тебя он вырос лучше остальных. Хотя в отдельных местах смысловые связи слегка нарушены, тебе удалось уловить суть канонов — непрерывность преемственности учения мудрецов. Можно сказать, каноны ты постиг глубоко.

Глаза Цуй Се вспыхнули, он часто закивал:

— Так вот оно что — преемственность учения! Я чувствовал сердцем, что пути совершенномудрых едины и не меняются под воздействием обстоятельств времени, просто не мог подобрать точных слов.

Господин Линь слегка улыбнулся и непринужденно ответил:

— Сколько дней ты проучился, много ли мудрых высказываний накопил в своей груди? Если бы стать третьим на императорских экзаменах было так легко, все книжники Поднебесной уже давно оказались бы на чиновничьих службах.

Он дал Цуй Се еще несколько наставлений, помог подправить и сделать зачин более лаконичным, а напоследок записал фразу: «Великий мудрец узрел сокровенное учение древних святых и разъяснил непрерывную преемственность учения», велел Цуй Се вернуться и не спеша обдумать её.

Разобрав все три вопроса и дав образцы зачинов, господин Линь с невозмутимым видом добавил:

— Я вижу, ты и сам способен понять правила скрытого зачина, раз не стал напрямую упоминать четыре дела Трех Правителей, а это говорит об определенной проницательности. Отныне при составлении зачинов сам решай, использовать ли прямой или обратный ход, утверждение или отрицание, явный или скрытый зачин. Каждый раз сдавай по четыре зачина.

«Господин Линь и впрямь человек неординарный», — подумал Цуй Се. На лице же его не отразилось ни единой эмоции; он с глубочайшим почтением принял новое задание и вернулся на свое место.

Еще один день пролетел в напряженном заучивании и решении задач. Раздался колокол, извещавший об окончании занятий. Господин Линь, призвав к боку книги, неспешно вышел из класса, и только тогда ученики будто ожили: шумно окликая друг друга, они направились во двор.

Чжао Инлинь подошел к его столу, постучал по столешнице и позвал:

— На Праздник двойной девятки на горе Юэгу состоится поэтическое собрание. Устроитель собрания, сючай Шэнь, — троюродный брат старшего брата Юэ. Он может провести нас, туншэнов, чтобы мы расширили кругозор. Академик Ханьлинь Цуй, вы пойдете?

Цуй Се поднял глаза и увидел перед собой юношу лет семнадцати-восемнадцати в белом одеянии туншэна, который с легким трепетом смотрел на него. Внешне тот был вполне обыкновенным, любил рассуждать о поэзии и изящной словесности и как раз входил в число тех, кого Цуй Се подозревал в попытке устроить школьный буллинг и ущемить самолюбие двоечника.

Взгляд юноши слегка вилял, говорил он заплетающимся языком, и эта нерешительность потяла его вполне простодушное лицо.

Цуй Се еще ни разу не видел настоящих талантов, поэтому проявил некоторую заинтересованность и с любопытством спросил:

— А что из себя представляет поэтическое собрание? Все обязаны сочинять стихи? И будут ли старшие знатоки словесности разъяснять смысл канонов?

Вокруг раздалась тихие смешки. Туншэны постарше посмотрели на него со смешанными чувствами насмешки и жалости. Чжао Инлинь поджал губы и некоторое время молча разглядывал его:

— Неужели ты в столице никогда не бывал на поэтических вечерах? Поэтическое собрание... это же просто... — Он понизил голос, настороженно оглянул двор и шепнул ему на ухо: — ...просто все снимают подворье, пьют вино, декламируют стихи, а для веселья зазывают куртизанок и певчих...

Цуй Се поднял глаза и праведным, строго осуждающим взглядом смерил старшего брата Юэ и сгруппировавшихся вокруг него туншэнов. Те стали хлопать глазами с заметно большей частотой, спрятали улыбки и слегка вытянули шеи, словно поджидая его ответа.

Цуй Се переспросил:

— А там объясняют, как слагать стихи? Или только сюцаи обмениваются стихами и поэтическими строками, а такие, как я, не умеющие сочинять, просто пьют, едят да слушают музыку?

Один из старших соучеников усмехнулся:

— С чего бы просто есть да пить! Как минимум придется подбирать парные строки да загадывать застольные загадки, чтобы господа сюцаи и образованные девицы давали свою оценку. — Он украдкой взглянул на Цуй Се и слегка развязно поддел: — Впрочем, с такой внешностью младшему брату Цуй там и делать ничего не придется: приглашенные девицы-поэтессы наверняка наперебой ринутся к тебе...

Договорить ему не дали — дернули назад. Старший брат Юэ, смущенно и с досадой, бросил на болтуна взгляд и искренне спросил Цуй Се:

— Брат Цуй, пойдешь с нами? — Он будто с трудом вытолкнул слова из груди, его голос звучал глухо и натянуто: — Мы... мы можем помочь тебе со школьными заданиями. Это собрание — редкий случай. Там будет присутствовать главный талант нашего уезда Го Юн. Его познания глубоки, даже инспектор уездного просвещения говорит, что на следующих экзаменах он непременно сдаст.

Цуй Се хотелось глянуть, каков он — мир настоящих книжников. Но подумав о том, что он сам не умеет даже составить стишок, задался вопросом: зачем идти на такое собрание? Неужто и впрямь ради того, чтобы пить вино, слушать напевы, светить лицом перед образованными девицами и прочувствовать всю прелесть ранней влюбленности?

Впрочем, до Праздника двойной девятки оставалось еще несколько дней. Вдруг представится случай порекламировать свою новую книгу?

Поразмыслив про себя и опасаясь, что резные печатные доски не успеют изготовить, он лишь туманно ответил:

— Благодарю старших братьев за приглашение. Времени еще много, так что пока не могу сказать точно, смогу ли прийти.

Несколько соучеников понимающе улыбнулись:

— И то верно. Это пиршество устраивает родня старшего брата Юэ по материнской линии, так что места для нас всегда найдутся. Можно решить прямо перед началом.

Старший брат Юэ вымолвил:

— Буду ждать вестей от младшего брата. — И вместе с остальными юными туншэнами вышел из усадьбы школы.

Семья Чжао Инлиня жила по соседству с семьей Цуй, поэтому юноша остался подождать, пока Цуй Се соберет вещи, чтобы отправиться домой вместе. Хотя этот парень был немного прямолинеен и верил всему, что говорят другие, в общении он оказывался открытым и непринужденным человеком, легко располагавшим к себе. У Цуй Се сложилось прекрасное впечатление обо всей его семье, и ему особенно хотелось проявить заботу об этом юноше, на которого возлагались любовь и надежды всего дома.

Поэтому, вернувшись домой, он напутствовал Цуй Юаня: как только на следующее утро они уйдут на занятия, тому следует лично отправиться к соседу, юаньвао Чжао, и доложить старшим, что их ребенок собирается посещать сомнительные заведения.

«До экзамена юаньши через год осталось чуть больше шестисот дней. Старший брат Чжао, это все, чем я могу тебе помочь».

От автора:

(1) Тан Инь: глава «Юй гнушался хмельного вина и любил благие речи». Выражение «Чжоу-гун помышлял совместить деяния Трех Правителей, чтобы претворить четыре дела» происходит из этой главы, однако здесь две разные темы. На самом деле так применять его не следует, но другого зачина я не нашла. Оставить же учителя без хорошего примера показалось неуместным, поэтому пришлось прибегнуть к аналогичному варианту.

Жаловаться старшим — дело рискованное, а побуждать к учебе следует с умом!

<http://bllate.org/book/18372/1761268>